

Русская мысль - Париж - 1995 -
Итальянский театр в Париже
23 июля - с 15

Вы садитесь в метро, такси, автобус и едете на улицу de la Gaîté, что в переводе на русский означает улица Веселья. И здесь, в похожем на расписную табакерку «Театре итальянской комедии», вам покажут спектакль «Сад заколдованной любви», который, возможно, напомнит вам Турандот, короля-олена и других фантастических персонажей Карло Гоцци, маэстро итальянской комедии масок. Но не верьте своему воображению, потому что «Сад...» на самом деле написан Карло Гольдони, вечным соперником Гоцци, осмелившимся выступить против фантастического неправдоподобия его «фьябо» и противопоставившим им свою реформаторскую «комедию нравов». И разве не успех соперника у венецианского зрителя обреч Гольдони на парижское изгнание? И здесь, в Париже, в разгар своей «венецианской ностальгии», как напишет впоследствии его биографы, Гольдони пишет фантастическую фьябу «О добром и злом духе» («Il buono e il cattivo genio»), сценарий «комедии дель арте» для труппы «Итальянской комедии» Луиджи Риккони (именно сценарий, мало общего имеющий с пятиактной драмой под тем же названием, которую Гольдони напишет позже). «Сад заколдованной любви» и есть тот самый, казалось, навсегда утраченный сценарий, который каким-то чудесным образом сумел отыскать Атилио Маджулли, режиссер итальянского театра в Париже. Commedia dell'arte. Уже само это сочетание наполнено для человека театра XX века таинственным, волнующим смыслом: не было, пожалуй, ни одного крупного театрального режиссера в этом веке, который бы не интересовался этим утраченным искусством итальянских комедиантов. (Напомним, что во Франции итальянские труппы впервые появились еще при Екатерине Медичи, но окончательно обосновались под именем «итальянской комедии» лишь в XVII веке. Комедия масок перестала существовать к концу XVIII века: в организованном в 1780 году Théâtre des Italiens уже больше не было ни итальянских актеров, ни масок). Техник этой игры интересовались все, но мало кому удалось вдохнуть новую жизнь в старую комедию масок. Маджулли повезло, он учился у Дж.Стрелера в миланском театре «Пикколо» в тот самый пери-

од, когда там создавался красутольный спектакль современной «комедии дель арте» — «Слуга двух господ» Гольдони, с Марчелло Моретти, оживившим дух Арлекина XVI века. Много позже, уже закончив курс обучения в Париже, в университете при Театре наций, руководимом Жаном-Луи Барро, Маджулли осознает свое соприкосновение с техникой «комедии дель арте» не как случайность, но как судьбу. И решает осуществить свою мечту — вновь создать в Париже «Театр итальянской комедии» как своего рода мост между традициями труппы Риккони (XVIII в.) и современностью. Так в 1975 году родился Итальянский театр на Монпарнасе, в программе которого — пьесы классических и современных итальянских авторов, большая часть которых никогда не представлялась французскому зрителю. Среди них «Сад заколдованной любви» (название, придуманное Маджулли), — аллегорическая сказка

сад для большинства из нас не был местом первых побегов и первых приключений? Именно в этот Сад, где никакая забота о хронологической последовательности и правдоподобии не потревожит свободный полет воображения, приглашает нас Гольдони», — комментирует свой замысел режиссер.

А вот по замыслу злого волшебника Фанфура, Принц (Жан-Мари Ветзель), влюбившись в столь же красивую, сколь и глупую принцессу Флору и отвергнутый ею ради счастливого соперника, красавца Лизандра, должен был умереть от горя. Так и случилось бы, не вмешавшаяся добрая фея Кокоттина, решившая подарить глупой красотке ум. «Поумневшая» Принцесса начинает презирать грубого Лизандра и, сумев оценить по достоинству Принца, отдает ему свое сердце. Так что, когда возникающий в финале «deus ex machina», Купидон, предлагает одарить ее милого каким угодно

Сцена из спектакля.

о приключениях Принца, уродливого, но с благородной душой и умом, в заколдованном саду злого духа Фанфура. «Как далеко остались напудренные парики, табакерки, панорама "Большого канала" а-ля Гварди... В этой пьесе Гольдони как бы возвращает нас в детство, в этот волшебный возраст, и в волшебное место действия — в Сад, где все может случиться и все случается. Действительно, разве

красивым лицом, она отказывается...

Но какое, в сущности, бесполезное занятие пересказывать этот воздушный, эфемерный спектакль, придуманный Маджулли и его актерами (все участники спектакля, кроме Ж.М.Ветзеля, прошли «курс обучения» у Маджулли, который в течение вот уже 15 лет обучает французских актеров мастерству итальянских комедиантов: «Всякий раз, когда мне нужны новые исполнители, я набираю курс молодых актеров. Я не спешу. Обучение может занять шесть месяцев, год, два года...»)

Как можно «пересказать» наивное очарование Арлекина (Жана-Лу Буреля) и настоящие трели, которыми, вместо слов, обмениваются «глупые» Флора и Лизандр (примадонна труппы Элен Лестраде и Жиль-Венсен Кампс)? Как можно «пересказать» пластику и чудесные маски птиц, которыми наделил каждого из гольдониевских героев режиссер? При всей видимой наивности, в основе эстетики этого спектакля — вовсе не стилизация игры старых комедиантов. За наивностью проглядывает глубоко спрятанная ирония и ностальгия по целостности, утраченной современным человеком: старая гольдониевская канва незаметно наполняется современным смыслом. Именно потому Фанфур (Жан-Поль Лаор), взявший на себя своего рода роль ведущего, так свободно владеет залом, именно потому такое удовольствие смотреть этот живой и изысканный спектакль, воскрешающий дух commedia dell'arte, а не восковое подобие, как в музее Гревен... Bravo, bravo, маэстро Маджулли!

В заключение хочется сказать, что единственный итальянский театр в Париже оказался на улице Веселья, которая ему так к лицу, в результате забавного стечения обстоятельств: когда-то здесь помещался полицейский участок, в который в один прекрасный день и был приведен за неплату штрафа Атилио Маджулли. В результате — участковый комиссар стал постоянным зрителем итальянского театра на Монпарнасе и, переезжая, поспешил предупредить Маджулли...

ЕКАТЕРИНА
БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж